DC 211
.S48

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

3062
5037

86

ОСТРОВЪ ЭЛЬБА.

[Sholikov, Petr Fomich, kniaz', 1778-1852]

ОСТРОВЪ ЭЛЬБА

Ostrov El'ba, i Novyĭ San-

и

kho-Pansa

НОВЫЙ САНХО-ПАНСА.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селиванскаго
1814.

DC211
.S48

Печатать дозволяется Октября 30, 1814 года. Ординарной Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

104837
'07

ИСТИННОМУ МОЕМУ ДРУГУ,

БОРИСУ КАРЛОВИЧУ

БЛАНКУ.

Какъ сладко заключенъ *нашъ* дружеской союзъ
Непостижимою, таинственною силой!
Одни желанія, во всемъ единой вкусъ,
Любовь къ изящному, вліянье чистыхъ Музъ,
Воспламененной духъ и *сладостно* унылой,
Благоговѣніе къ природѣ и Творцу;
Какъ къ доброй матерѣ, какъ къ нѣжному отцу,
Насъ къ мирной дружбѣ сей давно приготовляли:
Мы свидѣлись—и вмигъ сердца насъ сочетали!

Воейковъ.

Жестокіе обстоятельства всеобщаго волненія въ достопамятнѣйшую эпоху любезнаго нашего Отечества разлучили насъ давно — на долго ли? сердце не смѣетъ измѣрять этаго пространства! Но всегда и вездѣ питая одинакія чувствованія къ истинному другу своему, серце мое желаетъ, что бы сія бездѣлка празднаго моего времени и *скучной осени* — дней ужаснаго воспоминанія для *Московскаго* жителя—доставила отсутствующему другу маленькое удовольствіе въ мирномъ сельскомъ уединеніи щастливой семейственной его жизни.

И льщу себѣ, что желаніе моего сердца отчасти исполнится: ты никогда не почиталъ *великимъ чело-*

вѣкомъ того, который почитался за такого едвали не цѣлымъ свѣтомъ, и который нынѣ никѣмъ не почитается. Не смѣю говорить о *прозорливости*, ибо на нее каждый имѣетъ требованіе; но замѣчу только, что твой вѣрный *внутренній гласъ* не обманулъ тебя и въ этомъ случаѣ!

К. П. Шаликовъ.

---

27 Сентября,
1814.

ОСТРОВЪ ЭЛЬБА

И

НОВЫЙ САНХО-ПАНСА.

Tyran, descends du trône et fais place à ton maître

Читая въ *Зрителѣ* (*) выписки изъ трикратнаго путешествія *Тьебо-де-Берно* на островъ Эльбу, столь *занимательный* съ извѣстной эпохи, нахожу между прочимъ, что туда ссылаютъ изъ Тосканы и другихъ со-

---

(*) Французскомъ, который издается съ 1814 года Мальте-Брэномъ. Журналъ очень хорошо писанный и чрезвычайно любопытный.

сѣдственныхъ странъ воровъ и убійцъ на работу въ рудникахъ, и думаю: „И такъ это настоящее мѣсто ссылки для величайшаго изъ воровъ и убійцъ, которые когда-либо существовали на земномъ шарѣ — увы! — обагренномъ первою человѣческою кровію *братнею*! . . . Но ужасный *Каинъ* нашего времени гораздо виновнѣе древняго Каина — безчисленностію кровныхъ жертвъ, закланныхъ имъ въ тукъ ненасытной своей *зависти!* И при какихъ обстоятельствахъ? — Когда отъ него только зависѣло быть *любимѣйшимъ сыномъ* новаго своего отечества, и даже истиннымъ благодѣтелемъ всего человѣческаго рода; ибо сей примѣрный наперстникъ *своенравной* фортуны (доказавшей на его счетъ *два раза* господствующій характеръ свой) имѣлъ къ тому и другому средства

единственныя въ мірѣ, гороздо благопріятнѣйшія тѣхъ, которыя обращены въ спасительныя дѣйства для вселенной безсмертнымъ Противникомъ умершаго уже при жизни — смѣшнаго владѣтеля острова Эльбы!

Съ какою славою, съ какимъ блаженствомъ разошелся сей необыкновенный человѣкъ — и разошелся навѣки!

Судьба нашедши его недостойнымъ великой цѣли, которую назначала ему, нашла для него—Сибирь посреди Италіи. И судьба щастливо проправила большую свою ошибку, въ которую вовлекла множество людей умныхъ и наблюдательныхъ, плѣнившихся прекраснымъ и блистательнымъ началомъ Консуль-

скаго поприща Бонапартова! Столь справедливо заслуженное *начасъ* имя *Миротворца* было пріятно и утѣшительно каждому доброму сердцу! Французскіе Ораторы изображали величіе совершенно республиканское, совершенно древнее Правителя „который созидаетъ Королей, не желая быть онымъ; который раздаетъ скипетры союзникамъ, вѣрнымъ Республикѣ; который дерзающихъ оскорблять свободу низвергаетъ съ высоты ихъ троновъ.“ И Европа почитала сію бестящую мишуру лести за чистое золото истины, или справедливѣе сказать: Европа раздѣляла съ ними ихъ заблужденіе. Нынѣ сіи самые Ораторы принялись за филиппики противъ прежняго своего идола.

Нынѣ одинъ изъ нихъ говоритъ: „Умы наименѣе отчаянные не мо-

гли возвыситься до идеи о возможности происшедшей перемѣны, или ожидали ее только отъ Неба. Самые смѣлые говорили: *Все кончится съ Бонапартомъ, но продолжится пока продолжается жизнь его.* Физическая жизнь Бонапарта не прекратилась. Но огромный колоссъ его могущества исчезъ — и исчезъ навѣки.“ По томъ спрашиваетъ: „Какъ совершилось чудо? Какою превосходною силою ниспрорвегнута сила чрезвычайнѣйшая?“ и отвѣчаетъ: „Силою самою простою — при которой долженствуетъ остановиться на всегда всѣ тріумфы — силою умѣренности.“ Мы прибавляемъ: Божественными добродетелями Александра *Перваго!*

Но Провидѣніе оправдало пути свои совершенно — въ новомъ выборѣ достойнѣйшаго Возстановите-

ля Царствѣ и народовѣ, который рекѣ:

Tyran, descends du trône et fais place
à ton maître!

И все измѣнилось на лицѣ земномѣ! Грозные Аквилоны удалились сѣ лона ея, и кроткіе зифиры повѣяли на ея весеннія прелести!

Можно ли найти сѣ самымѣ твердымѣ равнодушіемѣ, сѣ самымѣ строгимѣ безпристрастіемѣ что-нибудь кѣ защищенію вѣ чемѣ-либо сего моральнаго феномена, который нынѣ мерцаетѣ подобно могильному призраку на пустынномѣ островѣ? Ежели допустить вѣ пользу Бонапарте извѣстную истину, что *храбрость исключаетѣ всякое благоразуміе*, и подкрѣпить сію истину примѣромѣ Александра Македонскаго, ко-

торый одинъ вскочилъ въ непріятельской городъ Оксидраковъ, то другой примѣръ сего же самаго героя — окруженнаго трогательнымъ семействомъ побѣжденнаго имъ Царя Персидскаго—изобличаетъ Бонапарта въ полномъ отсутствіи хорошихъ сердечныхъ качествъ, совмѣстныхъ съ величайшею храбростію; или лучше сказать неразлучныхъ съ истиннымъ героизмомъ, а герой *Санкюлотовъ* нигдѣ и никогда не являлся такимъ, какимъ былъ Александръ въ ставкѣ Дарія! Завоевателю древняго міра были извѣстны сладостнѣйшія чувствованія души — милосердіе, любовь и дружба, которыхъ вовсе не знаетъ завоеватель новаго міра, побѣдоносною рукою его Спасителя наконецъ брошенный на дикіе утесы безвѣстнаго острова, подобно Аггелу низ-

верженному въ тартаръ десницею небеснаго Владыки.

Въ мертвой тишинѣ глубокаго уединенія, при свободномъ воспоминаніи прошедшихъ дѣлъ своихъ, любопытно знать, терзаютъ ли угрызенія совѣсти Эльбскаго обладателя (*)? Что онъ, напримѣръ, чувствуетъ при воображеніи того, когда онъ смотрѣлъ въ телескопъ на *три тысячи восемь сотъ* плѣнныхъ Турокъ, которыхъ выстроилъ въ линію на возвышенномъ мѣстѣ подъ стѣнами Яффы, и по которымъ ве-

---

(*) Желательно, въ пользу души человѣческой, чтобы *переписка Наполеона Бонапарте съ Папою*, вышедшая недавно на Французскомъ языкѣ, была *невымышленная*, и чтобы его раскаяніе было искренее.

лѣлъ стрѣлять изъ ружей и пушекъ? — Когда посылалъ въ *пріятно* изготовленной пищѣ смертоносную отраву *пяти-стамъ восьмидесяти* больнымъ Французскимъ солдатамъ въ томъ же городѣ? — Когда осудилъ на жестокое убійство юнаго и невиннаго Принца Энгіенскаго — ночью во рву Винценскаго лѣса? — Когда бросилъ *двести тысячь* воиновъ, за него и для него двадцать лѣтъ проливавшихъ кровь свою во всѣхъ концахъ вселенной, бросилъ, говорю, на ужаснѣйшую погибель въ глубокихъ снѣгахъ, отъ лютыхъ морозовъ, пагубной напослѣдокъ ему самому, Россіи? и проч. и проч. Но онъ *имѣетъ на все оправданіе.* Напримѣръ: велѣлъ перестрѣлять плѣнныхъ для того, что *не было у него съѣстныхъ припасовъ на пищу имъ, ни войска для стра-*

жи надъ ними. Они бы аттаковали армію съ тылу, если бы оставили ихъ живыми. Что касается до больныхъ чумою, то онъ *предпочелъ уморить ихъ лучше легкимъ образомъ, нежели допустить, чтобы они впали въ руки Туркамъ, и, сею мѣрою, онъ въ то же время спасъ армію отъ всеобщей заразы.* Принцъ Энгіенской *долженствовалъ умереть для безопасности Франціи* послѣ того, какъ Генералъ Моро, въ Сентябрѣ 1796 года, у Графини Оренсдорфъ, супруги Президента Герцогства Невбургскаго, говоря откровенно о революціонномъ правленіи, сказалъ хозяйкѣ въ присутствіи Вандама и Сен-Сира: ,,Не думаете ли вы, сударыня, что мы уважаемъ настоящій порядокъ вещей, или главныхъ людей правленія? Ничего небывало. Мы принуждены брать на себя этотъ

видъ для того, что иностранныя Державы не хотятъ трактовать съ арміями; а если бы пожелали, то арміи и Деректорія произвели бы внутреннюю войну между собою. Но — продолжалъ онъ помахивая хлыстикомъ, который былъ въ рукѣ у него — дайте только возвратиться намъ во Францію. Тогда произойдетъ военная революція. . . . Республика несвойственна Франціи: намъ надобенъ Государь, утвержденный Конституціей. . . . Армія много полагается *на одного молодаго Принца, который уже пріобрѣлъ славу военную, и который достоинъ крови великаго Конде, текущей въ его жилахъ.*" — Безчисленныя жертвы мстительнаго нашего климата *долженствовали пасть для блага. Царствъ и народовъ!*

Но слѣдуетъ вопросъ: подобныя *оправданія*, языкомъ приносимыя, пріемлются ли сердцемъ? Вотъ что очень сомнительно!

Властелинъ Европы по 6 Ноября (*) (1812 года) былъ до сего числа безпрестанно сравниваемъ—съ Александромъ Македонскимъ, съ Юліемъ Цезаремъ, съ Карломъ Великимъ, съ Карломъ XII; но послѣ 19 Марта 1814 года всѣ сіи паралелли кончились, даже сравненіе съ рыцаремъ *Печальнаго образа* не стало годиться— и является для воображенія самаго спокойнаго, самаго непіитическаго со всѣмъ новое и совершенно точ-

---

(*) Собственныя слова Бонапарта изъ рѣчи его, сказанной въ Варшавѣ 5 Декабря 1812 при Французскомъ посланникѣ и Польскихъ Министрахъ.

ное сходство знаменитаго Экс-императора съ знаменитымъ Конюшимъ *Донъ-Кишота* — то есть съ *Санхо - Пансою*, который по многихъ опасныхъ приключеніяхъ, раздѣляемыхъ имъ съ великимъ рыцаремъ, отправленъ веселою Герцогинею, въ награду за его славные подвиги, на *островъ* Губернаторомъ.

Вмѣсто длиннаго наставленія и дружескихъ совѣтовъ, полученныхъ съ нетерпѣливостію вѣрнымъ конюшимъ своего рыцаря-господина, новый владѣтель острова Эльбы отправился на оной съ памятными уроками печальнаго опыта и съ поучительнымъ примѣромъ великодушнѣйшаго изъ храбрыхъ Героевъ— даже баснословныхъ—которому едва ли, какъ обнаружилось, годится онъ въ конюшіе. И ежели Санхо-

Панса на своемъ островѣ оказался— какимъ-то чудомъ тайнаго инстинкта—*умнымъ* и даже *остроумнымъ*, разбиралъ и рѣшалъ споры, ссоры и даже тяжбы тонкимъ и справедливымъ образомъ, то и *Губернаторъ* острова Эльбы, оставя шпагу свою— которую нѣкогда мѣрилъ онъ съ мечемъ Карла Великаго, и которая выпала изъ тщебныхъ рукъ его вмѣстѣ со скипетромъ Бурбоновъ, какъ скоро вознесся надъ его главою мечь *Александра* — и принялся за перо, чтобъ сочинять Исторію. . . . смерти милліоновъ людей, *жизнію* его истребленныхъ, или собственную свою Исторію (*), богатую. . . . ад-

(*) Лемерсье, Авторъ трагедіи *Агамемнонъ*, сими энергическими стихами гремитъ противъ историка-самозван-

скими матеріялами. Ежели она будетъ состоять изъ другихъ матеріяловъ, то выдетъ — романъ, не *Исторія Наполеона.*

ца, котораго участь быть *самозванцомъ* во всѣхъ родахъ:

Si j'en crois du public le dernier entretien,
Napoléon déchu veut être historien;
Et Clio souffrira que sa plume usurpée,
Venge un usurpateur que ne sert plus l' épée!
Non, Bonaparte, non: tu te promets en vain
De faire d'un despote un loyal écrivain;
Ta propre iniquité corromproit les maximes:
Tu prendrois pour vertu l'audace dans les crimes,
Le faste pour grandeur et l'orgueil pour fierté,
Et pour rébellion la noble liberté!
De l'histoire sais tu quelle est l'auguste Muse?
Une divinité que rien de faux n'abuse;
Qui montrant la sagesse aux peuples comme aux rois
Préte la vérité son inflexible voix,
Dégrade sous le dais les fourbes de la terre,
Dénonce à l' avenir l'ivresse de la guerre,
A son saint tribunal condamne les tyrans,
Et du nom d'insensé flétrit les conquerans.

(Epître à Buonaparte.)

Новый Санхо-Панса — если вѣрить ему—имѣетъ преимущество передъ старымъ, ибо выбиваетъ на монетахъ своихъ: *Вездѣ щастливый!* — если опять этотъ девизъ близокъ къ истинѣ, которую впрочемъ онъ посредственно уважаетъ — между тѣмъ какъ прожорливый Конюшій Донъ-Кишота роптал и жаловался на діету, которою *придворные медики* морили его за *Губернаторскимъ* обѣдомъ, представляя, что большой аппетитъ не приличенъ высокому сану и вреденъ для здоровья.

„Шиллеръ былъ человѣкъ съ рѣдкимъ геніемъ и съ честнѣйшимъ добродушіемъ — говоритъ г-жа Сталь— симъ двумъ качествамъ надлежало бы быть неразлучными покрайней мѣрѣ въ писателѣ.“ Судите же какимъ писателемъ будетъ нашъ Плутархъ!

Правда, что и *Новый Санхо-Панса* на строгой діетѣ: уже онъ не можетъ — по особенному этикету — насыщаться любимѣйшею своею пищею: наборомъ впередъ конскриптовъ за слѣдующіе такой-то, такой-то, такой-то годы, Гуннскою стратегіею, диктатурою бюллетеней, раздаваніемъ и отнятіемъ Герцогствъ, Княжествъ, Коронъ и тіаръ, обьявленіемъ такой-то крѣпости, такого то города, такой-то гавани въ осадномъ состояніи, такого-то Владѣтельнаго Дома, что онъ пересталъ царствовать, и наконецъ самымъ лакомымъ своимъ кусочкомъ — Континентальною системою. За то желудокъ его не переварилъ столь грубой и столь жирной пищи! — Между тѣмъ должно замѣтить, что приготовляемаго

имъ съ такою усердною заботливостію на неугасавшемъ очагѣ своемъ раскошнѣйшаго блюда подъ именемъ *Всемірной Монархіи* не удалось ему и отвѣдать, но удалось только. . . . смертельно обжечься.

Кстати о сихъ минувшихъ невозвратно Наполеоновскихъ *банкетахъ*: также очень любопытно знать, читаетъ ли нашъ *Новый Санхо-Панса* на щастливомъ своемъ островѣ нынѣшніе журналы и другія книги, гдѣ на каждой или почти на каждой страницѣ разсказывается съ большею или меньшею *похвалою* о его Экс-императорскомъ поведеніи, прошедшемъ и настоящемъ? И ежели читаетъ, то еще любопытнѣе знать, что онъ думаетъ, что чувствуетъ?—Что говоритъ? не спрашива-

ешь; ибо этотъ вопросъ былъ бы излишнимъ. Но чтобы не отойти отъ вѣрнаго образа, найденнаго нами, безъ всякаго при томъ старанія, для Эльбскаго *Губернатора* — не отойти, говорю, отъ стараго Санхо-Панса, и описать состояніе перваго въ семъ *любопытномъ* случаѣ, скажемъ—и на собственномъ языкѣ послѣдняго—скажемъ *Гишпанскую пословицу*: La verdal es verde (правда кисела); слѣдовательно при чтеніи всего того, что нынѣ выходитъ изъ подъ пресса всѣхъ четырехъ странъ свѣта на театръ политическаго міра, *Новый Санхо-Панса* морщится и кривляется чрезвычайнымъ образомъ, а особливо, когда читаетъ *панегирики* себѣ отъ той націи, которую пожаловалъ онъ въ *великія*, которая въ набожномъ благоговѣніи

лежала передъ его стопами, какъ передъ верховнымъ существомъ, и которою въ свою очередь пожалованъ онъ—въ *пигмеи*, въ *обезьяны*, и проч. и проч. И какъ ему не морщиться и некривляться? Вообразите человѣка, который почиталъ себя *первымъ во вселенной*—даже былъ отчасти такимъ, и который видитъ *очень ясно*, что онъ послѣдній изъ смертныхъ на дикомъ островѣ, и что этотъ неблагодарный островъ, къ утѣшенію его, не напоминаетъ ему никакими *регаліями*—ему, захватившему *навремя* почти всѣ регаліи свѣта въ хищническія руки свои—не напоминаетъ, говорю, о Царскомъ его величіи: на островѣ Эльбѣ нѣтъ во все *пчелъ*, которыми онъ усѣялъ широкую порфиру свою, [illegible] въ Импера-

торской гербъ свой. Онѣ оставили его вмѣстѣ съ гербомъ, порфирою и дворомъ! Улетѣли, взвились подъ небеса вмѣстѣ съ его планами, картами, съ Монитеромъ и биллетенями—и уже онъ не заманитъ сихъ благодѣтельныхъ насѣкомыхъ въ бездонной улей свой! Онѣ, также какъ и люди, обманулись лдотворнымъ медомъ его — и уже, подобно людямъ, болѣе не обманутся, а если и станутъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь слетаться къ нему, то единственно для того, чтобы жужжать надъ Медузиною его головою и жалить въ Янусово лицо его — въ наказаніе за чрезвычайное злоупотребленіе и головы Медузиной и лица Янусова.

Мы распространились о пчелахъ по тайному смыслу, къ нимъ относимому; но мы таить его неста-

немъ, ибо всѣмъ извѣстно, что онѣ служатъ разительнымъ символомъ *мудраго правленія*, того, которымъ нынѣ замѣнилось буйное правленіе въ *неблагодарной противъ своего великаго благодѣтеля* (такъ отзывается о ней *Новый Санхо-Панса*) Франціи, и подъ которымъ наслаждалась и наслаждается истинная ея благодѣтельница — Россія непоколебимымъ щастіемъ и безпрерывною славою!

Мы сказали, или справедливѣе, напомнили читавшимъ незабвеннаго героя Сервантова, что конюшій-Губернаторъ на своемъ островѣ явился совсѣмъ *другимъ человѣкомъ* — къ чести своей: подобно ему и Экс-императоръ-Король-Губернаторъ острова Эльбы совершенно перемѣнился — къ своему безчестію.

Въ гостяхъ на *ближнемъ* берегу твердой земли онъ пьетъ за здоровье. . . . Короля Англійскаго! . . . Восклицаетъ: „Да здравствуетъ Король Англійскій!“ . . . . И прибавляетъ: „Въ одной Англіи умѣютъ понимать великія идеи“— то есть *его* идеи! . . . отъ которыхъ избави Боже насъ и нашихъ правнуковъ! . . . и которыми—можно съ твердостію уповать на удовлетворенное наказаніемъ насъ за грѣхи наши Провидѣніе — не посѣтится уже болѣе обитаемая нами планета!

Слѣдуютъ натуральнымъ образомъ еще нѣкоторые вопросы: Имѣетъ ли нашъ *Санхо - Панса* надежду возвратиться съ дикаго своего острова или лучше сказать изъ почетной ссылки своей на новое позорище свѣ-

ма? Надѣится ли играть опять важную роль? и проч. и проч. И ежели надѣится, то на чемъ основываетъ свои надежды — примолвимъ: химерическія? Наконецъ какую часть свѣта имѣетъ онъ въ виду для своего политическаго возрожденія? на какое лицо мѣтитъ для своей характерической роли? . . . Но всѣ четыре части свѣта посылаютъ проклятія на нещастной уголокъ земнаго шара, имъ занимаемый! . . . Но всякая роль его была бы, какъ прошедшія недоигранныя, ненавистна людямъ—отъ малаго до большаго, отъ состоянія самаго низкаго, до степени самой высокой! . . . Между тѣмъ *Новый Санхо-Панса* безъ сомненія *качаетъ* себя какими-нибудь пріятными мечтами, и будетъ качаться до тѣхъ поръ, пока. . . . не заснетъ

сномъ непробуднымъ! . . . Ахъ, нѣтъ! Онъ пробудится — чтобы дать отчетъ передъ грознымъ, нелицепріятнымъ Судіею въ ужасныхъ дѣлахъ своихъ — отчетъ, который потребуется тѣмъ съ большею строгостію, что сей страшный бичь, лютѣйшій мора и глада, ругался столько же и Божествомъ, сколько человѣчествомъ! . . .

Мнѣ кажется, что никогда и ни чья *Исторія мыслей* не была столь любопытна, и не заставляла столько мыслить другихъ, какъ исторія мыслей нашего *Новаго Санхи.*

Старый, послѣ нѣкоторыхъ внезапныхъ тревогъ на безмятежномъ его островѣ, затѣянныхъ веселою Герцогинею, возвратился съ своего Губернаторства спокойно и благопо-

лучно на милую свою родину, въ бѣдную деревеньку, вмѣстѣ съ знаменитымъ рыцаремъ Печальнаго образа, ея владѣльцомъ и его господиномъ, и оба дожили вѣкъ на нежесткихъ лаврахъ, пожатыхъ невинными ихъ глупостями, и можетъ быть забавляясь ими отъ добраго, искренняго сердца при возвращеніи здраваго разсудка, и при всегдашней мирной совѣсти.

А Новый Санхо-Панса? . . . Ежели воспослѣдуютъ тревоги и на его островѣ — о которыхъ уже и пророчествовали газетиры и журналисты — то онѣ будутъ затѣяны. . . . *Корсарами*, безъ всякаго сомнѣнія, — и для того чтобы очистить свѣтъ отъ величайшаго изъ Корсаровъ.

Здѣсь кладемъ перо свое, чтобы *читать* будущіе анекдоты о *Новомъ Санхо-Пансѣ*, который долго еще — не погрузится въ рѣку забвенія, и слѣдовательно долго еще будетъ заставлять—погружать перья въ чернила.

Конецъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	стр.	Напечано:	должно:
11,	16	проправила	поправила
12,	14	блестищую	блестящую
13,	21	Возстновитель	Возстановитель
16,	12	ТуркокЪ	ТурковЪ
18,	9	*умѣрсть*	*умерсть*
22,	10	татебныхЪ	святотатскихЪ
—	13	и принялся	принялся
25,	10	тіарЪ	ТіарЪ
26,	20	неспрашиваетЪ	неспрашиваемЪ
29,	5	биллетенями	бюллетенями
32,	5	част	часть
—	18	сомненія	сомнѣнія

Gorle

McMurtie

LIBRARY OF CONGRESS
0 019 592 847 2